

И. С. Свенцицкая
ГРЕЧЕСКИЕ ГОРОДА В СОСТАВЕ ЛИДИЙСКОГО
ЦАРСТВА

С ПЕЦИФИКА развития греческих полисов, возникших на малоазийском побережье, как и основанных впоследствии в разных областях восточного мира, определялась контактами с иным экономическим, социальным и политическим окружением, в известной мере отличным от общественной структуры этих полисов. Можно выделить три основные проблемы, с которыми столкнулись греки с самого своего появления в Малой Азии: отношения с местными племенами и общинными организациями, отношения с храмовыми центрами, уходящими корнями в глубокую древность, отношения с царской властью (спачала в соседних восточных державах, а затем с царями государств, в которые полисы оказались включены). Эти проблемы теснейшим образом переплетались, но я попытаюсь выделить последнюю и рассмотреть один из наиболее ранних примеров взаимодействия греческих городов и восточного царства, хотя первые две проблемы также косвенно будут затронуты. Таким примером является Лидийская держава VII—VI вв. до н. э., главным образом, времени правления Алиатта и Креза, включившая значительную часть малоазийского побережья, населенного греками. Анализ отношений царя и полиса в этот период позволяет, с одной стороны, выделить черты, характерные для подобных отношений в древнем мире, а с другой, — выявить особенности их на раннем этапе общественного развития.

До конца VIII — начала VII в. до н. э., как показали археологические исследования Кука и Акургала¹, греческие города западного побережья Малой Азии представляли собой небольшие поселения, расположенные в основном на мысах. Они имели мало земли и до середины VII в. не вели широкой морской торговли. Еще с конца IX в. ионийцы предпринимали экспансию против других (неионийских) греческих городов — примером может служить эолийская Смирна, занятая колофонянами (Herod., I, 149), — но только с конца VIII в. ионийские полисы начали продвижение в глубь материка, расширяя свои земельные владения (продвижению эолийских полисов, по-видимому, препятствовали мисийские племена). Как отмечает Кук, к началу VII в. владения Колофона простирались вплоть до Смирны; Милет продвинул свои границы по речной долине на 20 или 30 миль от берега, земли Эфеса также были расширены². Примерно к этому же времени отнесится, по словам Акургала (ук. соч., стр. 371 сл.) и первый импорт с Востока.

¹ J. M. Cook, *The Greeks in Ionia and the East*, L., 1962; E. A. Akurgal, *The Early Period and the Golden Age of Ionia*, AJA, 1962, 66, 4.

² Cook, ук. соч., стр. 35; см. о и же, САН², II, р. 2, стр. 799.

Экспансия ионийцев на материке привела к росту их благосостояния и к перестройке самих городов. Аристотель в «Политике», разбирая вопрос о критериях демократии и олигархии, в качестве примера города, где большинство составляло зажиточное население, приводит Колофон до его столкновения с лидийцами; он пишет, что там большая часть жителей владела значительным имуществом — ἐξέστηντο μακρὰν οὐσίαν οἱ πλείους. — Pol. IV, III, 8. Кук, исследовавший архаическую Смирну и ее окрестности, указывает, что в VII в. Смирна представляла собой процветающий город. Строились новые здания и оборонительные сооружения; граждане получили новые участки: некоторые в старом городе, некоторые — в новом пригороде, через перешеек (САН², II, 2, стр. 804). Нашествие (вернее, набеги) киммерийцев нанесло урон некоторым греческим городам, но они от него оправились, в то же время эти набеги создали и благоприятные условия для греческой экспансии в глубь материка: было разрушено мощное Фригийское царство, экономически не связанное с греками, и вплоть до усиления лидийского могущества в конце VII — начале VI в. до н. э. ионийские полисы не встречали серьезного сопротивления со стороны своих материковых соседей.

Расширение территорий, принадлежавших греческим полисам, должно было привести к изменению и их отношений с местным населением. Я полагаю, что именно в этот период во владения Милета были включены Дидимы, где находилось древнее догреческое святилище и оракул Аполлона. Во главе этого святилища, согласно малоазийским традициям, стояло наследственное жречество из рода Бранхидов (отсюда двойное название местности — Дидимы и Бранхиды); святилище имело обособленную территорию (о разграблении священной земли персами говорит Геродот — VI, 19); храмовая сокровищница, по-видимому, находилась в распоряжении жречества³. В то же время храм стал главным святилищем милетского полиса. Вероятно, и другие догреческие храмовые центры оказались в составе полисов, сохраняя при этом некоторые самобытные черты и в культуре, и в организации.

Если храмы были инкорпорированы в полисы, сохраняя известную самостоятельность, то некоторые местные племена попали в зависимость от греческих городов и, по выражению Кука, обрабатывали землю «для греческих господ» (САН², II, 2, стр. 800). К таким местным племенам на земле города можно отнести гергитов Милета, известие о которых сохранено у Афиня (XII, 523—524). Там приводится сообщение Гераклита Понтийского о борьбе «владельцев имуществом» и демотов, «которых те называют гергиты». Возможно, эту же борьбу имеет в виду Геродот, говоря о том, что за два поколения до ионийского восстания Милет раздирали распри, его хора была разорена (V, 28—29). По мнению современных исследователей, гергиты — местное малоазийское племя. Кук локализует его в Троаде в районе города Гергис⁴. Кроме того, на земле архаического Милета засвидетельствовано значительное количество карийских поселений⁵. Плутарх передает, по-видимому, древнюю традицию о борьбе Тралл с лелегами и миниями. По его сообщению, в результате этой борьбы часть местных жителей погибла или бежала, другие остались на территории Тралл; их положение существенно отличалось от положения граждан города: был принят закон, по которому гражданин Тралл, убив-

³ Во время ионийского восстания милетяне не решились взять из храма сокровища, хотя Гекатей советовал им это сделать (H e r o d, V, 36), Бранхиды же передали сокровища храма Ксерксу (S t r a b o, XIV, 1, 5).

⁴ J. M. C o o k, The Troad, an Topographical Study, Oxf., 1973, стр. 363; A. L a u r o n i e r, Les cultes indigenes en Carie, P., 1958, стр. 538.

⁵ J. M. C o o k, Some Sites on Milesian Territory, BSA, 56, 1961, стр. 90 слл.

ший лелега или миния, считался очищенным от скверны пролития крови, если отмеривал родственникам убитого медимн гороха. Обряд очищения говорит о достаточной древности традиции, сохраненной Плутархом (Quest. graec. 46) ⁶.

На землях Эфеса также должно было существовать местное население: по данным Страбона, сам город первоначально был населен карийцами и лелегами; затем греки выгнали их оттуда и присоединили округу горы Коресса (XIV, 1, 21). У нас нет прямых данных о положении зависимого местного населения в рассматриваемый период ⁷; во всяком случае, можно думать, что благосостояние греческих полисов западного побережья Малой Азии в известной мере было связано и с присвоением прибавочного продукта, производимого местным населением.

Таково в общих чертах было положение греческих городов, когда они столкнулись с Лидийской державой. Лидийское царство существовало и до VII в.: археологически на территории Сард засвидетельствованы следы поселения II тыс. до н. э. Согласно Геродоту, в Лидии правила до прихода к власти Гига династия Гераклидов. Об этой династии имеются отрывочные сведения в различных произведениях греческих писателей ⁸. Встречаются и указания на греко-лидийские контакты: так, в одном из фрагментов Николая Дамасского (fr. 9) ⁹ рассказывается история о том, что два царя — Кадис и Ардис — правили Лидией совместно. Жена первого изгнала Ардиса и убила своего мужа; Ардис скрывался в эолийском городе Кима (затем он вернулся в Лидию). Геродот, излагая версию о переселении лидийцев в Италию из-за охватившего страну голода, упоминает Смирну как порт, через который лидийцы отплыли за-море (I, 94). Археологические раскопки также обнаружили в Сардах фрагменты протогеометрической и геометрической керамики, что свидетельствует о ранних контактах между греками и лидийцами. Но Лидийское царство было слишком слабым, а греки были слишком заняты расширением своих земель за счет соседних территорий, чтобы можно было говорить о сколько-нибудь постоянных и значительных связях до начала VII в. до н. э.

Положение изменилось с воцарением династии Мермнадов около 680 г. до н. э. ¹⁰ и ликвидацией киммерийцами Фригийского царства, которая расчистила дорогу не только грекам, но и лидийцам.

Гиг — основатель династии Мермнадов — согласно традиции, происходил из знатного лидийского рода, конфликтовавшего с лидийскими царями (его дед Даскил был убит по приказанию царя Адиатта; беременная жена первого бежала во Фригию, где и родила отца Гига, тоже Даскила — Nic. Dam., fr. 30). Хорошо известна новелла Геродота о приходе Гига к власти (он убил царя и женился на его вдове). Гигу пришлось вести борьбу с недовольной частью лидийцев, в этой борьбе ему оказали помощь карийцы, и может быть, фригийцы, поскольку дружественные

⁶ Ю. В. Андреев в своей книге «Раннегреческий полис» (Л., 1976) отмечает четкое противопоставление, проводимое в поэмах Гомера между жителями города и постоянными жителями сельской территории (стр. 40—41), причем «презрительное отношение поэта к поселянам как к людям второго сорта» не вызывает сомнений. Может быть, здесь проявилась именно ионийская традиция отрицательного отношения к сельским жителям, происходившим из местных племен.

⁷ Данные о зависимом местном населении на территории греческих городов Малой Азии рассмотрены в моей статье «Положение зависимого населения в Малой Азии V—IV вв. до н. э.», ВДИ, 1967, № 4.

⁸ Ранняя история Лидии рассмотрена в работе: G. M. Hanfmann, Sardes und Lydien, Wiesbaden, 1960, стр. 508.

⁹ Фрагменты греческих историков, содержащие сведения о Лидии, используются по изданию: J. G. Pedley, Ancient Literary Sources on Sardis, Camb. Mass., 1972.

¹⁰ H. K a l e t s c h, Zu lydischen Chronologie, «Historia», VII, 1958, Ht. 1.

связи Мермнадов с родом Мидаса (и вообще с фригийцами) засвидетельствованы и до и после их воцарения (Крез у Геродота называет внука Мидаса «потомком друзей» — I, 35). Я полагаю, что укреплению власти Гига внутри страны способствовало уничтожение (или ослабление) непокорных родов и привлечение на свою сторону карийского¹¹ (или карийского и фригийского) населения, составившего Гигу дополнительную опору.

Гиг первым начал борьбу с греческими городами; он совершал походы против Смирны и Милета, но не взял их. У Николая Дамасского содержатся сведения о походах Гига против Магнесии у Сипила (fr. 45). По его словам, Гиг часто вторгался (πολλάκις... ἐνέβαλεν) в землю магнетян. Гиг захватил также хору и нижний город (ἄστυ — Herod., I, 15) Колофона. Именно к периоду осады лидийцами Колофона традиция относит колонизационную деятельность колофонян в Италии (они основали Сирис). Но Колофон не был разрушен, он продолжал свое существование как самостоятельный город; у Полиена есть указание на то, что в период правления царя Алиатта Колофон находился в союзе с лидийцами (VII, 2,2). Гиг включил в лидийские владения всю Троаду, где не было крупных греческих городов, а преобладали небольшие поселения городского типа (греческое заселение Троады, по мнению Кука, началось в VIII в. до н. э., но многие поселения возникли позже)¹²; вероятно, отсутствие сильных полисов, подобных ионийским, облегчило Гигу распространение власти на Троаду.

Борьба Гига с греческими городами, по-видимому, сменялась вполне мирными отношениями: тот же Гиг, по данным Страбона, разрешил Милету основать Абидос на земле, принадлежавшей лидийскому царю (XIII, 1, 22). Гиг погиб в борьбе с киммерийцами, но его преемники не оставляли намерений подчинить себе города малоазиатского побережья. Ардис захватил Приену; Алиатт, наконец, взял и разрушил Смирну (по данным раскопок — около 600 г. до н. э.¹³); затем он выступил против Клазомен, но потерпел поражение (Herod., I, 16). Пожалуй, самую длительную борьбу лидийские цари вели с Милетом: Геродот упоминает о войнах с Милетом преемников Гига Ардиса, Садиятта и Алиатта (I, 17—22). Интересна тактика последнего, которую тот применял в этой борьбе: Геродот рассказывает, что Алиатт неоднократно вторгался в хору милетян (тактика, похожая на тактику Гига против магнетян) в пору созревания урожая, уничтожал хлеб, срубал деревья, но домов сельских жителей не разрушал¹⁴ и на сам город не нападал. В конце концов Алиатт заключил мирный договор с милетским тираном Фрасибулом, если судить по рассказу Геродота, не без вмешательства Дельф (Алиатт получил орაკυλ, что не излечится от мучившей его тогда болезни, пока не восстановит разрушенный им храм в земле милетян). Союз был заключен и с Эфесом: он был скреплен браком дочери Алиатта и эфесского тирана Меласа; возможно, именно в это же время Алиатт женился на ионянке. Сыну Алиатта Крезу (560—546 гг. до н. э.) была подчинена уже вся Иония и Троада.

Чем можно объяснить борьбу лидийских царей и малоазиатских полисов? В литературе существует мнение, что эта борьба велась из-за торговых интересов. Так, Дж. Педли высказывает мнение, что в нападениях

¹¹ О карийско-лидийских связях см. J. G. Pedley, *Carians in Sardis*, JHS, XCIV, 1974, стр. 97 слл.

¹² Cook, *The Troad*, стр. 362, 367.

¹³ J. M. Cook, *Old Smyrna*, 1948—51, BSA, 53—54, 1958—1959, стр. 27.

¹⁴ Если на земле милетян действительно жило местное (карийское) население, то мягкость Алиатта становится понятной.

первых лидийских царей из династии Мермнадов на ионийские полисы сказывалось влияние карийцев, хотя «экономическое и торговое соперничество играло главную роль»¹⁵.

Возможность карийского влияния кажется мне вполне вероятной, особенно если принять во внимание тесные лидийско-карийские связи и то наступление греков в глубь материка, о котором упоминалось выше. Но говорить о значительном экономическом и торговом соперничестве лидийцев и греков в VII — начале VI в. до н. э. не представляется мне возможным: их взаимоотношения и во время открытых столкновений и после установления господства Лидии свидетельствуют против этой точки зрения. Как отмечал К. Робак¹⁶, лидийцы во время своих рейдов против греческих городов не делали попыток аннексировать ионийские полисы и использовать их в качестве *своих* морских портов; у Лидии не было намерений (во всяком случае, до времени Креза¹⁷) стать морской державой. Разрушение Смирны явилось своего рода исключением в политике лидийских царей: возможно, Смирна была разрушена из-за ее длительного сопротивления лидийцам; как уже указывалось, борьбу со Смирной начал Гиг (Павсаний упоминает даже элгию Мимнерма, написанную на битву — *εις την μάχην* — смирнейцев с Гигом и лидийцами — IX, 29, 4). Смирна была одним из ключевых пунктов для доступа лидийцев в Ионию (вторым таким пунктом был Эфес), через долину Смирны шла прямая дорога от моря на Сарды¹⁸ и овладеть этой долиной было очень важно для Лидии. В отношении других ионийских городов можно говорить о стремлении к союзу и известному контролю при ограничении греческой экспансии в глубь Малой Азии.

Лидийские цари были заинтересованы в существовании греческих торговых центров, дружественных Лидии (или зависимых от нее): через Ионию, по-видимому, шло снабжение Лидии основными металлами, в частности железом. К концу VII — началу VI в. до н. э. археологически прослеживается увеличение греческой керамики в Лидии, но не из ионийских, а из эгейских и балканских центров: родосские и протокоринфские сосуды; с середины VI в. — афинская керамика; некоторые лидийские керамические изделия обнаруживают западное влияние¹⁹. В целом же лидийский импорт в греческие города превышал экспорт последних в Лидию. Лидийцы опережали греков в развитии горного дела (добыча золота) и производстве изделий из металла. В отдельных отраслях ионийцы даже подражали лидийским ремесленникам: так, они имитировали лидийские сосуды, в которых вывозилась благовонная мазь²⁰.

Лидийская сухопутная торговля была достаточно развита; как известно, считалось, что лидийцы изобрели монеты и первыми стали применять розничную торговлю. Можно предполагать, что лидийская внешняя торговля была сосредоточена в руках царской администрации: торговые операции были настолько значительны, что возникла возможность и необходимость в изготовлении кусочков драгоценного металла опреде-

¹⁵ P e d l e y, *Carians in Sardis*, стр. 97.

¹⁶ C. R o e b u c k, *Ionian Trade and Colonisation*, N. Y., 1959, стр. 51—52.

¹⁷ Геродот сохранил предание о том, что Крез хотел построить собственный флот для борьбы с островными полисами, но отказался от этого намерения и даже установил с ионийскими островитянами дружеские отношения (I, 27).

¹⁸ Робак полагает, что дорога была неблагоприятна для лидийской торговли (ук. соч., стр. 15). Я думаю, что необходимость военного контроля над дорогой, ведущей к столице, также сыграла свою роль в разрушении Смирны.

¹⁹ См. G. M. A. H a n f m a n n, *Horsemen from Sardis*, *AJA*, LIX, 1945, стр. 4.

²⁰ Об экономических отношениях между лидийцами и греками см. R o e b u c k, ук. соч., стр. 56 сл.; H a n f m a n n, *Sardis und Lydien*, стр. 517—521.

ленного стандартного веса²¹. Торговцы были, вероятно, зависимыми от царя людьми: у Геродота среди строителей грандиозной могилы Алиатта названы «рыночные люди» (οἱ ἀγοραῖοι ἀνθρώποι — I, 93). Вряд ли греки могли казаться лидийским царям серьезными соперниками в торговле и ремесле.

В то же время вся совокупность данных о борьбе лидийских царей и ионийских полисов подводит к выводу, что в основе этой борьбы лежало стремление Мермнадов расширить свои земельные владения. Характерны рейды Гига в землю магнетян и Алиатта в землю милетян: военные действия прежде всего велись в хоре городов. Нельзя забывать, что греческие города были не просто пассивными жертвами лидийской агрессии: они сами стремились увеличить свои земли. Показательно в этом отношении сообщение Геродота о том, что милетяне потерпели поражение от лидийцев в Лимении, расположенном на их (т. е. милетян) земле и в долине Меандра (ἐν τε Λιμενίῳ χώρῃς τῆς σφετέρῃς... καὶ ἐν Μαλιάνδρου πεδίῳ — I, 18). Таким образом, ко времени столкновения с лидийцами долина Меандра еще не входила в территорию Милета, но Милет продолжал свое продвижение за пределы собственно хоры; это продвижение было приостановлено лидийцами. Влияние карийцев на лидийскую политику в наибольшей степени должно было сказаться именно на борьбе с Милетом, который подчинил карийские поселения.

Война с Колофоном также, очевидно, диктовалась стремлением отобрать плодородные земли, принадлежавшие этому городу: лидийцы захватили сельскую территорию вместе с нижним городом, но не разрушили Колофон; в период зависимости от Лидии Колофон процветал, вероятно, за счет своих торговых связей; его жители славились своей роскошью. Лидийские владения подступали к греческим городам не только в Ионии: по словам Страбона (XIII, 1, 65), территория вокруг Адромиттия некогда принадлежала лидийцам. На земле около Кизика во времена господства лидийцев (позже и персов) находился царский охотничий заповедник (Strabo, XIII, 1, 17).

Земли, захваченные лидийскими царями, заселялись (во всяком случае — частично) лидийским (а иногда также и карийским) населением. В этом отношении интересна судьба Смирны. После ее разрушения Алиаттом территория города примерно лет 25 оставалась незаселенной; но примерно со времени Креза там возникает новое поселение, построенное по определенному плану. Среди населения этого времени был силен лидийский элемент: встречаются лидийские вещи, лидийское оружие в некрополе, найдены граффити на лидийском языке. Наряду с лидийцами там жили и карийцы (карийские граффити там также обнаружены)²². Слова Страбона о том, что Смирна после разрушения ее лидийцами в течение четырехсот лет была «заселена по-деревенски» (οἰκομένη χωρῆδόν — XIV, I, 37), не подтверждены археологическими данными. Правда, на территории вокруг старой Смирны найдены следы по крайней мере одной

²¹ Есть предположение, что лидийские цари начали чекан монеты не для торговых операций, а для того, чтобы сделать более удобной расплату с наемниками (существование которых в лидийском войске засвидетельствовано источниками). Первые монеты, по мнению Кука, были предназначены для единичной выплаты, чтобы не производить взвешивание драгоценного металла, а затем постепенно оказались пущенными в оборот (J. M. Cook, Speculation on the Origin of Coinage, «Historia», VII, 1958, Ht. 3, стр. 264).

Но каковы бы ни были первоначальные намерения изобретателей монет, они не получили бы распространения без развития торговли.

²² Cook, Old Smyrna, стр. 31; Akgal, ук. соч., стр. 374; L. H. Jeffery, Old Smyrna: Inscriptions on sherds and small objects, BSA, 59, 1964, стр. 42—48.

деревни²³, но поселение городского типа продолжало существовать. По-видимому, слова Страбона следует понимать так, что Смирна не стала снова (вплоть до эллинизма) полисом, т. е. городом в греческом смысле слова, не конституировалась в гражданскую общину.

Лидийское население появилось и в неразрушенных греческих городах и на их землях; в литературе отмечается сильное лидийское влияние в Колофоне и Эфесе²⁴. Я полагаю, что знаменитая конница Колофона, о которой говорит Страбон (XIV, I, 28), обязана своим существованием лидийцам (может быть, непосредственно лидийской знати, жившей на землях Колофона). Существование сильной конницы не засвидетельствовано для других греческих полисов Малой Азии, в то же время именно конница составляла основную военную силу лидийцев (не считая наемных отрядов). В этих же городах существовало лидийское жречество: Аристофан в «Облаках» говорит о лидийских жрицах в храме Артемиды Эфесской (598—600); Акургал приводит описания и фотографии двух статуй из Эфеса, изображающих женщину в лидийском головном уборе (вероятно жрицу) и женщину в греческой одежде, но не греческого, а анатолийского этнического типа (ук. соч., стр. 376). В Колофоне в значительно более позднее время был лидийский жреческий род, по-видимому, восходивший ко времени лидийского господства (он считался ведущим свое начало от Ардиса — распространенное имя в роду Мермнадов)²⁵. Статус лидийского населения в греческих полисах неясен. Случаи межплеменных браков (Геродот передает предание о том, что ионийцы в Милете взяли в жены карийских женщин, — I, 146), в том числе браков лидийско-ионийских (см. выше), указывают на то, что гражданская община не носила замкнутого характера. Вероятно, верхушка лидийского населения с течением времени приобрела права гражданства в греческих полисах.

Знать и жречество были не единственным негреческим населением в полисах и их сельской округе. В городах должны были появиться царские ремесленники, крупные и мелкие торговцы из Лидии. На землях, перешедших в собственность лидийских царей, жили и работали подневольные царские люди: так, Ганфманн указывает, что в каменоломнях, откуда брали камень для строительства храма Артемиды Эфесской, найдены надписи, выполненные «странным письмом, лежащим между лидийским и карийским», которое напоминает буквы посвящения Креза на одной из колонн храма Артемиды. Ганфманн полагает, что лидийские ремесленники принимали участие в строительстве храма²⁶. С моей точки зрения, это были царские каменоломни, а каменщики были зависимыми от царя людьми, подобно тем, кто строил, согласно Геродоту, гробницу Алиатта. Часть таких подневольных ремесленников Крез мог отправить в Эфес. Местное земледельческое население также, вероятно, продолжало жить в городской округе, хотя и уменьшенной захватами лидийцев.

Вся совокупность данных — прямых и косвенных — свидетельствует, что главной целью и главным результатом наступления лидийцев на греческие города малоазийского побережья было ограничение земельных владений полисов и расширение земельных владений лидийцев. Для лидийских царей увеличение царских земель было важным условием укрепления их власти. У нас есть основания полагать, что в Лидии

²³ С о о k, Old Smyrna, стр. 31.

²⁴ R o e b u s k, ук. соч., стр. 23, 33—34.

²⁵ Об этом роде см. САН, III, стр. 514.

²⁶ G. M. A. H a n f m a n n, From Croesus to Constantin, Univ. Mich. Press, 1975, стр. 11 сл.

рассматриваемого времени были сильны знатные роды. Ганфманн на основе археологического обследования Лидии делает вывод, что там господствовали знатные семьи, которые владели землями, включавшими одну или несколько деревень (Ганфманн открыл древние родовые курганы — погребения знатных семей, там же, стр. 2). О земельных владениях знати можно сделать вывод, исходя из рассказов Геродота (VII, 29) и Плутарха (Mul. virt. 262d - e) о богаче Питии из Лидии, который предложил Ксерксу деньги на военный поход; Геродот говорит о землях и рабах Питии, Плутарх — об использовании им труда земледельцев и ремесленников (существует предположение, что Питий — внук Креза²⁷). На богатства лидийской знати косвенно указывает и рассказ Геродота (I, 92) о захвате Крезом имущества своего врага, с которым он боролся еще до вступления на престол. Возможно, это тот самый Садият, земли которого, по данным фрагмента Николая Дамасского (fr. 65), Крез посвятил храму Артемиды (за то, что лидиец отказался дать деньги Крезу — тогда еще царевичу — на снаряжение военного отряда). Хотя лидийские цари и боролись с отдельными знатными семьями (или родами), но родовая знать представляла в Лидии значительную силу²⁸, и расширять за ее счет царский земельный фонд Мермнады не могли; естественно, что увеличение царского фонда шло путем захвата земельных территорий.

В результате лидийских завоеваний греческие полисы оказались прижатыми к берегу. И Кук и Акургал высказывают мысль, что лидийская экспансия привела к перестройке экономики и внешней политики ионийских полисов: когда возможность расширения земельных массивов была исключена, ионийцы обратились к поискам колоний за морем, и главным занятием их стала морская торговля. Акургал высказывает предположение, что в первой половине VII в. до н. э. местные племена, обрабатывавшие землю для ионийских городов, освободились от подчинения грекам; это способствовало колонизационной деятельности ионийцев²⁹. Нехватка земли была, безусловно, одной из важных причин греческой колонизации вообще, лидийское наступление сделало ее весьма важной и для малоазийских полисов. Но я думаю, что на путь колонизации греков Малой Азии толкало и стремление включиться в систему торговых связей Запада с Востоком; недаром к началу ионийской колонизации относится и появление импортных восточных товаров в городах Ионии.

Было ли расширение торговых связей одной из причин или только непосредственным следствием колонизации, но оно сыграло существенную роль в отношениях греческих полисов Малой Азии с подчинившими их лидийскими царями. На первый взгляд может показаться странным, что, не взирая на предшествующую длительную и упорную борьбу с Лидией, ионийские полисы сохранили верность Крезу во время борьбы последнего с Киrom: Геродот рассказывает, что Кир перед выступлением против Креза послал вестников к ионянам, чтобы те отложились от Креза. Но ионийские полисы отказались (I, 76). Их отказ не был результатом тактической ошибки, неправильной оценки сил обеих противников: насколько греки были связаны с лидийцами, показывает их участие в восстании лидийца Пактия против Кира: из слов Геродота можно заключить, что к восстанию примкнули все ионийские города, кроме Милета

²⁷ Подробнее см. Р о с б у с к, ук. соч., стр. 54.

²⁸ Существует глосса, по которой слово *πάριος*, встречающееся у Гиппонакта, поэта из Эфеса VI в. до н. э., толкуется как *βασιλεύς ὁ σβύλας*. Робак полагает, что слово *σβύλας* указывает на наличие других «басилевс», кроме собственно царя (ук. соч., стр. 52).

²⁹ С о о к, *The Greeks in Ionia...*, стр. 50; А к у р г а л, ук. соч., стр. 373.

(I, 169)³⁰; лидийский город Кима также поддержал Пактия и отказался выдать его, потерпевшего поражение, персам (I, 158; 160). Такая ситуация показывает, что связи между лидийскими царями и малоазийскими полисами устраивали обе стороны. Лидийским царям прибрежные города нужны были как торговые посредники: Робак предполагает, что снабжение Лидии железом, оловом и медью шло через греческие порты малоазийского побережья (ук. соч., стр. 57 сл., 104). Кроме того, полисы поставляли военные контингенты наемников для пешего войска. Греческие гоплиты служили в лидийской армии, вероятно, еще со времени Гига. Возможно, именно через Лидию ионийские наемники попали в саисский Египет, который был союзником лидийских царей.

Геродот, рассказывая о войне Кира с Крезом, упоминает, что последний, вернувшись в Сарды после сражения с персами в Каппадокии, стал ожидать союзников (египтян, вавилонян, лакедемонян), а наемников пока что распустил по домам (I, 77). Это указание может свидетельствовать о том, что наемные отряды происходили из близлежащих районов, что они формировались только на время военных действий; скорее всего, речь шла о греческих гоплитах; греки из малоазийских городов должны были стремиться скорее вернуться к своим наделам, мастерским или кораблям. У самих лидийцев, по-видимому, пешего войска не было: Геродот пишет, что они сражались верхом на конях и были прекрасными наездниками (I, 79).

Подчинив греческие полисы своему влиянию, лидийские цари стремились поддержать с ними дружественные отношения; проявлением этого стремления был брак Алиатта с ионийкой (Геродот не называет ее родного города), с сыном которой Крез (сын Алиатта от карияпки) вел впоследствии ожесточенную борьбу за власть. Но эта борьба не изменила общего направления политики Креза в отношении греческих городов побережья, он обложил их регулярной податью, но, как показали дальнейшие события во время борьбы с персами, не притеснял их и старался сохранять союз (за исключением отдельных эпизодов политической борьбы, о которых будет сказано ниже).

Очень интересным представляется вопрос об отношении лидийских царей к греческой колонизации северо-западного побережья Малой Азии и, в частности, Троады. Совокупность археологических и письменных источников позволяет сделать вывод, что лидийцы не препятствовали колонизации этих районов, а возможно, и сами принимали в ней участие. Уже упоминалось о разрешении Гигом вывести Абидос в принадлежащей ему местности. Гиг, вероятно, основал Даскилион, город, носивший имя, распространенное в его роду (Даскил — имя его деда и отца): греческое поселение в Даскилионе относится к началу VII в. до н. э.³¹ Страбон говорит об основании Адромиттия лидийцами (XIII, I, 65); интересно отметить, что по данным, приведенным у Николая Дамасского, Крез был правителем в Адромиттии до своего воцарения (I г. 65). Вероятно, не без согласия лидийцев был основан Ассос, расположенный недалеко от Адромиттия. По мнению Кука, самые ранние греческие находки там датируются временем около 600 г. до н. э., храм же в цитаделе Ассоса был построен вскоре после 550 г. до н. э.³²; время совпадает с пребыванием в этой области Креза (он правил всей долиной Тебы — Nic. Dam., fr. 65). Ко времени лидийского господства относится и основание

³⁰ Позиция Милета объясняется, на мой взгляд, воздействием Бранхидов — жречества Аполлона, которые, поддерживая раньше лидийских царей, затем выступили на стороне персов; они, в частности, посоветовали выдать Пактия (H e g o d., I, 158).

³¹ C o o k, The Greeks in Ionia, стр. 50.

³² C o o k, The Troad, стр. 246.

Кизика (конец VII в. до н. э.); лидийцы укрепили стены Неандрии в Троаде (город, также основанный в то время, когда Троада принадлежала Лидии)³³. Страбон пишет, что современный ему Илиум занимает свое местоположение со времени Креза (до этого город несколько раз менял место — XIII, I, 25). Как уже упоминалось выше, около Кизика, Адромиттия находились земли, принадлежавшие лидийцам. Вообще же города Троады в отличие от других полисов Малой Азии имели незначительную сельскую территорию³⁴. Таким образом, можно думать, что лидийские цари с помощью греков осваивали захваченные на северо-западе земли. Сравнительно небольшие города легко было контролировать, и они могли быть использованы в торговых и военных целях: Страбон говорит, что долина Тебы была объектом борьбы между мисийцами и лидийцами (*περὶ μάχητον γυνέσθαι* — XIII, I, 61)³⁵.

На территории Троады не засвидетельствовано древних, догреческих храмовых центров; поскольку, я полагаю, захваченные территории составили царский земельный фонд, там не было владений независимых знатных родов: эти факторы должны были облегчить колонизацию. Собственного опыта градостроительства лидийцы не имели: в Лидии не было, по-видимому, городов, кроме Сард, основным типом поселений были деревни. Судя по раскопкам Кука, на месте древней Смирны была сделана попытка восстановить городское поселение: возможно, это был результат намерений Креза создать *лидийский* город (как он хотел создать лидийский флот), правда, существенных результатов эта попытка не принесла.

Лидийские цари, таким образом, поощряли создание небольших греческих городов на своей территории и ограничивали владения крупных.

Не ясна степень вмешательства лидийцев во внутренние дела греческих городов. Если факты поддержки лидийскими царями греческой знати в островных полисах достаточно хорошо известны, то в отношении городов, входивших в состав Лидийской державы, дело обстоит сложнее. Трудно определить политические симпатии лидийских царей по отношению к внутренним группировкам греческих полисов. Алиатт заключил союз с милетским тираном Фрасибулом, чья политическая ориентация может быть нам ясна из его союза с коринфским тираном Периандром³⁶. Закрепляя союз с ионийскими городами, Алиатт прибегнул к испытанному средству — династическим бракам: сам женился на ионянке, а дочь выдал замуж за эфесского тирана (так же как другую дочь, чтобы закрепить союз с мидийцами, выдал замуж за их царя). Но если в отношении Мидии брачные связи оказались достаточно прочными — Крез, по словам Геродота, считал необходимым отомстить Киру за своего шурина Астиага (I, 73), то в отношении гражданских общин это средство не годилось. Гражданские коллективы, по-видимому, поддерживали тех тиранов, которые обеспечивали достаточную независимость, и Крезу после своего воцарения пришлось вести борьбу со своим племянником — эфесским тираном, причем эфесцы оказали достаточно стойкое сопротивление царю, прежде чем тому удалось добиться изгнания своего противника (Polyaen, VI, 50). О борьбе с другим тираном упоминает Страбон: он

³³ H a n f m a n n, *From Croesus to Constantin*, стр. 6—7.

³⁴ S o o k, *The Troad*, стр. 367.

³⁵ В отличие от Гацфманна (*From Croesus to Constantin*, стр. 6—7), я полагаю, что лидийцы укрепили стены Неандрии не против греков, а против мисийцев. Лидийцы использовали и негреческие города: ими был укреплен Гордион.

³⁶ С Периандром Алиатт также был связан дружественными отношениями: согласно Геродоту (III, 48), Периаандр отправил к Алиатту триста сыновей знатных людей для оскпления; в то же время с Питтаком из Митилены Алиатт вел борьбу, возможно, из-за запрещения последним ввозить предметы роскоши (на что сетовала Саффо).

рассказывает о том, что Крез разрушил город Сидену в Троаде за то, что тот предоставил убежище тирану Главкию. На всех, пожелавших вновь отстроить этот город, было наложено проклятие (XIII, 1, 42). Санкции Креза показывают, что для него борьба с Главкием также была, вероятно, непростой. Возможно, Алиатт рассматривал тиранов как своего рода князьков, с которыми он привык иметь дело в окружающей племенной среде; Крез же видел в тиранах угрозу своей власти над городами побережья; при этом следует оговорить, что это не было принципиальным отношением к тирании вообще, но именно к тиранам зависимых от него или союзных с ним городов.

В источниках нет сведений о прямом вмешательстве лидийских царей во внутренние дела полисов (за исключением упомянутых случаев борьбы с тиранами): вероятно, это умолчание отражает реальное положение вещей. Влияние Лидии шло через определенные этно-социальные группы; в Ионии это было жречество крупных храмов, большинство которых восходило к глубокой древности. Лидийские цари оказывали поддержку наследственному жречеству во многих областях своего царства: по преданию, Гигу в борьбе за престол оказал помощь кариец из Миласы, который затем воздвиг статую Зевса Лабрандия (Лабранда была древним религиозным центром карийцев, управлявшимся вплоть до эллинистического времени наследственными жрецами): вероятно, он происходил из рода, связанного со святилищем (Plut., Quaest. Graec. 45). Лидийские цари поддерживали дружеские отношения и со святилищем в Тельмессе (по данным Геродота, еще до воцарения Мермнадов — I, 84); в этом святилище был род прорицателей, из которого, по преданию, произошла мать фригийского царя Мидаса (Arg., II, 3,3). По мнению Ганфманна, в самой Лидии храмовые центры играли большую роль³⁷. Главным лидийским храмом был храм Кибелы в Сардах; значительная роль его жречества отражена в словах Алкмана о том, что, родись он лидийцем, он был бы внухом или жрецом Кибелы.

Алиатт и Крез оказывали поддержку и храмам, инкорпорированным в греческие полисы. Геродот пишет, что после заключения союза с Милетом Алиатт не только восстановил храм Афины, разрушенный лидийцами во время набегов на хору Милета, но и построил второй храм (I, 22). Богатые дары Крез направил в Дидимы, в упомянутое выше святилище Аполлона, где жреческие должности передавались по наследству представителями рода Бранхидов (I, 92). Крез оказал помощь при строительстве храма Артемиды в Эфесе: Геродот отмечает, что большинство колонн в храме Артемиды — от Креза (I, 92); это подтверждают и археологические раскопки: найдено посвящение Креза на одной из колонн. Храм Артемиды в Эфесе вообще носил полулидийский характер (о лидийских жрицах в Эфесе я уже упоминала). В этой связи можно обратить внимание на одно свидетельство Страбона: он пишет, что до времени Креза эфесцы занимали горную местность около горы Коресс, а затем спустились с гор и вплоть до времени Александра жили вокруг существующего храма (XIV, I, 24). Это переселение, вероятно, означало инкорпорирование древнего святилища карийской богини плодородия в эфесский полис, объединение храма и полиса; возможно, это произошло после осады Эфеса Крезом, во время которой эфесцы (по словам Геродота — I, 26) посвятили свой город Артемиде. Крез покровительствовал святилищу еще до своего воцарения; он посвятил ему земли одного из своих противников (см. выше). Интересная деталь: когда лидиец Садиятт отказался дать ему деньги, Крез занял их у одного эфесца, но отобранные земли передал не своему

³⁷ H a n f m a n n, From Croesus to Constantin, стр. 4.

заимодавцу, а святилищу Артемиды, тем самым усилив храм экономически и обеспечив себе поддержку жречества. Участие Креза в строительстве храма показывает, что превращение древнего святилища в главную святыню Эфеса происходило с его одобрения. Поддержка местных храмов, находившихся на территории полисов, создавала некоторый противовес полисному самоуправлению, приводила к равновесию сил между греческими гражданскими коллективами и местной знатью (из которой в ряде районов происходило и жречество).

Лидийские цари стремились совместить в рамках своей державы и систему царского хозяйства³⁸, и вельможные владения, и полисы. Может быть, только Крез наибольшее внимание уделял развитию последнего элемента структуры Лидийского государства (поощрение колонизации в Троеде, борьба с отдельными представителями лидийской знати), но персидское завоевание не позволило этим тенденциям проявиться в достаточной степени.

В отличие от эллинистического времени роль полисов в Лидийской державе была ограничена их участием в морской торговле и поставкой военных контингентов. Греки извлекали определенную выгоду из своего союза с лидийскими царями (во всяком случае, они предпочитали лидийское господство персидскому). Акургал начинает «золотой век» ионийских полисов со времени Креза (ук. соч., стр. 373): это было время экономического, политического и культурного расцвета. С моей точки зрения, роль Лидии в этом расцвете заключалась не только в том, что она объективно толкнула малоазиатских греков на широкую колонизацию, но и в том, что через Лидию греки могли осуществлять широкие контакты с древними центрами восточных цивилизаций, заимствовать достижения этих цивилизаций. Кроме того, включение полисов в состав большой державы обеспечивало им мирное существование в среде многочисленного местного населения (как впоследствии включение полисов в состав эллинистических государств обеспечивало полисам господство над этим населением) и безопасную внутреннюю торговлю. Однако в Лидийском царстве не было — и еще не могло быть создано единой экономической и политической системы. Крупные владения знати, царское хозяйство с собственными ремесленниками и торговцами были в известной степени самодовлеющими хозяйственными комплексами. Стремление царей прижать полисы к берегу лишало последние возможности расширять свою сельскохозяйственную округу (тенденция к увеличению которой станет типичной в эллинистическую эпоху). В то же время в источниках среди многочисленных упоминаний о товарах, вывозившихся из Лидии, нет ни слова о хлебе; по-видимому, родовая знать не занималась экспортом хлеба, а царская земля не давала достаточного урожая для снабжения зерном населения греческих полисов, вероятно, из-за сравнительно небольших размеров и низкой производительности труда. Отсутствие достаточной продовольственной базы у городов малоазиатского побережья должно было привести к известной экономической и социальной неустойчивости (недаром Милет во время персидского господства расширил свою сельскую территорию, которая опять была урезана после ионийского вос-

³⁸ Сосредоточение в руках лидийских царей сокровищ, многочисленные посвящения в храмы золотых изделий показывают, что добыча золота была монополией царской власти. Воздвижение таких грандиозных построек, как гробница Алиатта (Геродот сообщает, что своими размерами она уступала только вавилонским и египетским постройкам — I, 93), говорит за то, что цари распоряжались подневольными работниками (гробница была построена «рыночными людьми», ремесленниками и проститутками, по всей видимости, храмовыми).

стания³⁹). Политические связи между царями и полисами также были еще недостаточно конструктивными; в источниках нет следов поощрения и местных самоуправляющихся организаций, гражданско-храмовых общин, которое столь характерно для правителей более поздних эпох (во всяком случае начиная с Гекатомнидов в IV в. до н. э.). Могущество наследственных жреческих и вообще знатных родов тормозило процесс такого развития: характерно, что в Троаде, где лидийские цари покровительствовали колонизационной деятельности греков, не обнаружено следов древних храмовых центров⁴⁰. Возможно, там, где были такие храмы, управлявшие значительной округой, цари не рисковали, а может быть, просто не имели возможности противопоставлять им гражданские общины, созданные при их содействии.

Малоазийские полисы в составе лидийского царства — пример раннего более или менее успешного сосуществования греческих гражданских коллективов и царской власти, основанного на торговом и военном сотрудничестве, но наличие автаркичных хозяйств царя и знати, а также политическое влияние последней делало такое сотрудничество недостаточно перспективным. Только в эллинистический период с его бурным развитием товарно-денежных отношений и частного сектора экономики, когда хора городов была значительно расширена за счет зависимых поселений, были найдены такие формы связей гражданской общины и царской власти, которые определили политическую структуру стран Восточного Средиземноморья на протяжении нескольких веков.

³⁹ По данным Геродота, в территорию, подчиненную Милегу, ко времени ионийского восстания входила хора вокруг города, долина и нагорная местность (эта последняя была передана карийцам из Педас — VI, 20).

⁴⁰ Кук отмечает только земли храма Афины Илионской, но они стали «священными» в более позднее время (The Troad., стр. 365).